

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЧМИАДЗИНСКОГО КАФЕДРАЛА В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ КРЕСТОВОКУПОЛЬНЫХ СИСТЕМ

Доктор архитектуры С. Х. МНАЦАКАНЯН

В истории архитектуры встречаются композиции, которые, будучи созданы на основе синтеза принципиально различных, диаметрально противоположных систем, очень скоро получают широкое распространение. В первых веках распространения христианства господствовали две основные схемы церквей—зальная и базиликальная. Бытовали также, в основном в мемориальной архитектуре, центричные типы—главным образом, типы свободного и вписанного креста. Но уже во второй половине V века, в связи с дальнейшим развитием и усложнением христианской литургии, освящением купола как символа священного неба, купол получили и продольные типы сооружений.

Процесс этот в Византии привел к созданию сооружений типа купольной базилики (храм Ирины в Константинополе, VI в.; храм Марии в Эфесе, VI в.), где четыре мощных контрфорса, разрезая боковые нефы, поднимались до основания купола и воспринимали его распор в поперечном направлении.

В Армении зодчие пошли своим собственным путем: здесь нет ни одного сооружения, где было бы повторено классическое решение византийских купольных базилик. Поэтому мы считаем ошибочным именовать «купольными базиликами» армянские трехнефные купольные сооружения, как это делается часто в специальной литературе. Нетрудно заметить, что все без исключения армянские памятники этого круга (Теокор, Одзун, Гаянэ и др.) являются крестовокупольными сооружениями. Принципиальное их отличие от типа купольной базилики заключается в системе крепления купола. В крестовокупольных храмах вся центральная часть решалась по нормам центричных композиций—над сводами не только на главном направлении, но и в поперечном. Перед нами синтез двух вполне конкретных типов: трехнефной базилики и свободного креста.

Армянские зодчие пошли еще дальше. Исследование показывает, что уже в последней четверти V века именно в Армении впервые разрабатывается принципиально новая система культового сооружения—центричный четырехпилонный крестовокупольный храм, до этого вообще неизвестный в средневековом зодчестве. Мы имеем в виду Эчмиадзинский собор¹—сооружение, имевшее узловое значение для развития не только армянского зодчества. Национально-традиционная историография, основываясь на сведениях историка V века Агатангелоса, считала, что дошедший до нас памятник и по размерам, и по

¹ Храм был возведен в столице страны Вагаршапате. Имя Эчмиадзин восходит к древней легенде, согласно которой местоположение будущего храма было указано Григорию Просветителю в его видении сошедшим с небес Единородным богом (էջ միածին—сошествие Единородного, Эчмиадзин). См. Աղաթանգեղոս, Պատմութիւն Հայոց. Թիֆլիս, 1909, էջ 399.

форме представляет именно то сооружение, которое на этом месте возвел Григорий Просветитель. Эта теория в различных аспектах продолжает бытовать даже в наше время, хотя вся история возведения храма, наслоения в нем различных эпох противоречат этому.

Серьезное изучение храма связано с именем Тороса Тораманяна. Переведенные на русский язык и опубликованные Н. Я. Марром положения Тораманяна целых полвека господствовали в специальной литературе и оказали заметное влияние на ход исследования памятника вообще².

Т. Тораманян имел возможность лишь внешне обследовать храм, хотя прекрасно знал сложный исторический путь памятника и те наслоения, которые можно было бы выявить лишь раскопками. Но последние в его время полностью исключались, и не случайно все его теоретические построения основывались лишь на анализе внешних форм сооружения и на сопоставлении с другими памятниками, в первую очередь, с церковью Апостолов в Анн (начало XI в.).

Тораманян отмечает, что древнейшее, времен Григория Просветителя сооружение могло быть только базиликой типа Касаха или Аштарак³, и лишь со времен реконструкции Вааном Мамиконяном оно приобрело вид пятикупольного центричного вписанного креста; впоследствии (в VII в.) при католикосе Нерсесе апсиды были вынесены наружу.

С этим не был согласен Н. Я. Марр. Он писал: «Тораманян утверждает, что церковь Апостолов была построена в X веке, что весьма вероятно. Но одновременно он говорит, что она была возведена по образцу Эчмнадзина, тогда как сам же утверждает, что у Эчмнадзинского собора с VII века, со времен Нерсеса Строителя существовали выступающие апсиды, которых нет в церкви Апостолов»⁴.

Н. М. Токарский сооружение до VII века представлял как «обычную для того времени базилику с деревянной кровлей»⁵, а А. Б. Еремян — как прямоугольное сооружение с четырьмя пилонами, к которому впоследствии были добавлены апсиды с севера, юга и запада⁶.

Раскопки, проведенные А. А. Саянском в 1950-х годах, дали интереснейшие результаты. Под пилонами были найдены базы более древнего базиличного сооружения⁷, выше которых размещены базы пилонов, соответствующих уже купольному сооружению; причем, как он отмечает, «профили нижних баз просты в своих очертаниях, более архаичны и приближаются к обработке баз других сооружений IV века, а профили верхних баз — к аналогичным постройкам V п.»⁸.

² 2. Շահինյան, Ստորագրության կաթողիկե էջմիածնի և հինգ գաղափարի Արարատի. 4. Ա., էջմիածին. 1842. էջ 13:

³ 3. Ռորամանյան, էջմիածնի տաճարը. — Նյութեր Գաղափարի և Տարածության պատմության. 3. 1, Երևան, 1942, էջ 220: Т. Тораманян. О древнейших формах Эчмнадзинского храма. — Записки Восточного отделения императорского русского археологического общества, т. XIX, СПб., 1909; Н. Я. Марр. По поводу работы архитектора Т. Тораманяна «О древнейших формах Эчмнадзинского храма». — Записки Вост. отдел. импер. русск. археол. об-ва, т. XIX, СПб., 1909, с. 52.

⁴ 4. Ռորամանյան, Նյութեր... 3. տաճարի, էջ 211:

⁵ 5. Н. Я. Марр. По поводу работы архитектора Т. Тораманяна..., с. 58.

⁶ 6. Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1916, с. 61.

⁷ 7. А. Б. Еремян. Храм Рипсимэ. Ереван, 1955, с. 80.

⁸ 8. С. Х. Мнацаканян, К. Л. Оганесян, А. А. Саян. Очерки по истории архитектуры древней и средневековой Армении. Ереван, 1978, с. 80.

⁹ 9 Там же, с. 81.

Однако еще важнее оказался тот факт, что вся композиция сооружения вместе с профилированными базами устоев апсид и выступающими апсидами—не результат перестройки: все они возведены в конце V века, в один строительный период¹⁰. В свете этих фактов отпали все предположения о якобы первоначальной композиции в виде вписанного тетраконха и о позднем выносе апсид. Стало ясно, что вся существующая ныне композиция должна датироваться концом V века.

Во время раскопок внутри восточной апсиды была раскрыта другая, продолговатая, апсида, где на кладке из грубо обработанных камней был выложен один ряд из чисто отесанного туфа. Внутри апсиды были остатки алтаря огня. А. А. Санниан не смущало, что малая апсида значительно выше устоев апсиды V века; он считал, что эта часть, как большая святыня, была сохранена внутри храма V века.

По А. Хачатряну, храм первоначально, уже в IV в., имел вид центричного здания с широкими нефами и куполом над четырьмя пилонами¹¹. С этим нельзя согласиться. Тот факт, что обнаруженные раскопками базы первоначальных пилонов были расположены не по абрису квадрата, а образовывали несколько вытянутый с запада на восток прямоугольник (по А. А. Санниану, они всецело повторяли расположение пилонов Касахской базилики), не оставляет сомнений в том, что базы эти принадлежали не центричной, а базиличной композиции.

С другой стороны, нельзя представить христианскую церковь самого начала IV века в виде центричной, сложной купольной композиции—это не что иное как анахронизм, не соответствующий тенденциям развития раннехристианского зодчества вообще.

Нельзя согласиться также и с А. Л. Якобсоном, который никак не усматривает появление четырехпилонной крестовокупольной композиции в армянском зодчестве даже в конце V века¹². Она не укладывается в его «закономерности развития», и он снова возвращается к теории Тораманяна, к варианту с вынесенными апсидами, который был полностью опровергнут раскопками 1950-х годов.

Другая крайняя точка зрения принадлежит В. Г. Григоряну, согласно которому: «Кафедральный собор построен Григорием Просветителем и дошел до нас в первозданной плановой и основной объемной пространственной композиции»¹³.

* * *

Григорий Просветитель возвел крест в столице на том месте, где до этого стоял языческий храм, который был снесен новообращенными христианами. Крест этот стал одной из главных святынь армянской церкви и несомненно осенялся балдахном¹⁴. Аналогичные

¹⁰ А. А. Санниан. Новые данные об архитектурном облике Эчмиадзинского собора.—XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады. М., 1960, с. 5.

¹¹ A. Khatchatrian. L'Architecture Arménienne du IVe au VIe Siècle. Paris, 1971, p. 67—93, III, 106.

¹² А. Л. Якобсон. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983, с. 83.

¹³ В. Г. Григорян. О первоначальной композиции Эчмиадзинского кафедрального собора.—Четвертый Международный симпозиум по армянскому искусству. Тезисы докладов. Ереван, 1985, с. 91. Նույնի՝ էջմիածնի Մայր տաճարը.—ՉՍՍՀ ԳԱ օրաթերթի հատ. գիրք., 1986, № 7, էջ 77:

¹⁴ «Եվ Թաղադրաւ և ամենայն ժողովրդոցն հանդերձ երթեալ Դասանէր անդէն ի անդին ցոյցեալ հրեղէն սեանն ոսկրակալ խարսխին, և անդէն բարձր քաղաքաորմով փակեալ դռնդին»

мемориальные сооружения были хорошо известны в позднеантичном зодчестве, и не случайно во сне Григория Просветителя описывается лучезарный четырехколонный купольный балдахин. Агатангелос пишет, что в центре города, недалеко от царского дворца видел Григорий круглую золотую базу размером с холм, над ним пламенную колонну с облачной капителью, а над последней—светозарный крест. Еще три лучезарные колонны поднимались на местах гибели дев—рипсимянок. Базы их были кровавого цвета, фусты колонн—лучезарными, капители—облачными. Все они завершались световыми крестами, над которыми поднимались удивительные арки, а над ними—облачный купол. Вполне понятно, что в этом фантастическом видении нет конструктивной логики и этот образ далек от действительного сооружения (арки купола опираются на кресты колонн); тем не менее, нетрудно увидеть здесь композицию четырехколонного балдахина—сооружения, хорошо известного в позднеантичном и раннехристианском мемориальном зодчестве, в том числе и в армянском.

Раскопки Н. Я. Марра открыли подобный памятник в Анн, датируемый дохристианским временем,—это было «сооружение о четырех колоннах», связанное, по мнению Н. Я. Марра, с маздеизмом¹⁵.

Вряд ли можно сомневаться, что именно эти реально существовавшие памятники и отражены в красочной легенде, причем, как показали исследования, приведенное у Агатангелоса само «видение» Григория Просветителя является поздним добавлением, попавшим в текст при одной из последующих редакций не ранее VII века¹⁶.

Вскоре Григорий с большой свитой направился в Кесарию, где его возвел в сан главы армянской церкви. Он возвратился, получив в дар мощи Иоанна Крестителя и св. Афиногена. По пути в Вагаршапат, на берегу реки Евфрат, в бывшем известном языческом центре Аштишат он возводит усыпальницы для мощей святых, а также и первую церковь на территории Армении. Агатангелос особо отмечает, что отсюда и началось строительство церковных зданий¹⁷.

Таким образом, первое церковное здание в стране было возведено именно в Аштишате, а не в Вагаршапате, как это иногда отмечается в литературе.

Затем Григорий возвел церкви в ряде других мест и лишь потом вернулся в Вагаршапат; в ранее огороженном месте, где стоял поставленный им крест, возвел он первую церковь столицы.

Агатангелос пишет, что Григорий по прибытии в Вагаршапат, где он до этого возвел знак святого креста и где в своих усыпальницах покоились мученики, на месте, указанном ему в видении, возвел церковь Христа¹⁸.

ի պատիւ, և դրամբ և զոնապետի ամրացուցեալ, և կանգնեալ և անդ զնշան փրկական խաչին, զի առ հասարակ հասեալ ամենայն որ յայն աւղի՝ ամենագոտ արարին Աստուծոյ երկրպագեալ ծունր կրկնեցեն» (Աղաթանգեղոս, էջ 400):

¹⁵ Н. Я. Марр. Анн. М., 1934, с. 53; *Սուրեն Մեսցակյան. Հայկական վաղ սիքնագարյան մեմորիալ հուշարձանները. Երևան, 1982, էջ 76:*

¹⁶ Մանուկ Աբեղյան. Երկեր. հ. 7, Երևան, 1968, էջ 183—187:

¹⁷ «Եւ յետ աւսարիկ Լուանէր նա ի աւղիս մէջնեացն, և ժողովեալ զարուդանէր զմարդիկ աշխարհին յաստածառաջութիւն: Եւ նո անդ զհիմունս Եկեղեցուն, և ողորաց սեպան փառացն Քրիստոսի. զի նախ անդ արար սկիզբն շինելու Եկեղեցեաց» (Աղաթանգեղոս, էջ 421):

¹⁸ «...և զնկատեալ աւղիսն առնն Աստուծոյ շինեալ. զգորդեալն նմա ի տեսլանն, զյառաջագոյն զրոշման իւր և կանգնեաց անդ զԵկեղեցին Քրիստոսի» (Աղաթանգեղոս, էջ 439):

В. Григорян предполагает, что здесь речь идет о храме, возведенном Григорием Просветителем по образу и подобию лучезарного балдахина из его видения. Мы

Первый Эчмиадзинский храм

Агатангелос очень скупно говорит о строительстве первой церкви. И тем не менее, наряду с общехристианскими требованиями, здесь должны были учесть то, что крест с балдахином имел такое же системное значение, как апсида.

Что касается проблемы перекрытия, то оно несомненно было деревянным. Дерево широко применялось как в языческих, так и в дворцовых сооружениях. Агатангелос красочно описывает, как горели языческие храмы в момент распространения христианства. Он пишет, что при разрушении храма Анахиты от чудесной силы креста Григория Просветителя рухнули высокие стены, «деревянное перекрытие сразу вспыхнуло, а дым от него поднялся до небес»¹⁹.

Что и христианские сооружения тех лет имели деревянное перекрытие, явствует со слов того же Агатангелоса, описывающего строительство усыпальницы Рипсимэ. Наряду с другим материалом (камень, кирпич) при возведении применялись и сосновые бревна²⁰. Деревом перекрывались, как это выявили раскопки, и царские, и католикосские дворцы Двина IV—VII веков. Деревом перекрывались базилики и Рима, и Сирии, где в подавляющем большинстве случаев опорами служили мраморные колонны, взятые из руин античных памятников.

Самое начало IV века—это время, когда только-только возводились первые христианские церкви, и их архитектурные формы находились под определенным влиянием гражданской архитектуры дворцовых залов, обычно перекрытых деревом. А если это так, то и соответствующие каменным колоннам (как в Двинском дворце) базы должны были иметь соответствующие формы, но никак не устои, характерные для пилонов при сводчатом перекрытии. Такие основания пилонов хорошо сохранились в ряде базилик (Касах, Аштараке и др.). Поэтому нельзя согласиться с мнением, что те основания пилонов, которые были открыты во время раскопок Эчмиадзинского храма, якобы принадлежат именно первому храму, возведенному самим Григорием Просветителем. Нетрудно заметить, что и по размерам, и по конфигурации эти пилоны соответствовали каменному сводчатому перекрытию, и их значительные размеры вовсе не были нужны при деревянном перекрытии. Более того, их взаимное размещение типично именно для базилик сводчатых (Касах) и резко отходит от конфигурации размещения пилонов базилик, действительно перекрытых деревом, как это было в Аштараке до перестройки.

А это может привести лишь к однозначному выводу—открытые раскопками нижние основания пилонов не могут принадлежать первому храму, возведенному Григорием Просветителем, и здесь была еще одна, промежуточная, стадия строительства, до того, как Ваан Мамиконян в конце V века снес старую базилику и на том же месте возвел купольный храм.

Второй Эчмиадзинский храм

Судьба возведенного Григорием Просветителем храма была тесно связана с судьбой самого города.

считаем, что в данном случае речь идет не о чем ином, как о местонахождении будущей церкви, указанном Григорием богом,—о месте, которое уже было отмечено Просветителем, возведшим там мемориальный крест. Слова «զափաշխանի զրաշխանի իր» («зафиксированный им раньше») не оставляют в этом сомнений.

¹⁹ Ագաթանգեղոս, էջ 405.

²⁰ Там же, с. 393.

В 60-х годах IV века Иран предпринял новую экспансию, стремясь окончательно сломить сопротивление армян, обратить их в маздеизм, окончательно подавить их и ассимилировать. Полчища врагов вторглись в страну, разрушая города, храмы и возводя на их развалинах храмы огня, чортаги, алтари огня.

Прошло некоторое время, и при содействии византийских войск враг был отброшен и началось трудное восстановление. Католикос Нерсес (353—372) «стал вновь отстраивать все те места, которые были разрушены врагами»²¹.

Историк не сообщает, что именно тот предпринял в Вагаршапате; можно предположить, что работа эта скорее всего заключалась в спешном восстановлении деревянного перекрытия, потому что уже его преемник, католикос Саак Партев (378—439), судя по сообщениям историков, начал более основательные реставрационные работы.

Для выяснения характера работ, выполненных зодчим Саака Партева, следует рассмотреть, как вообще перестраивались базилики Армении. Можно выделить несколько разновидностей перестроек.

1. Замена деревянного перекрытия старой базилики каменным сводом. Пример тому—базилика в Аштараке, где были убраны четыре старых, соответствующих деревянному перекрытию устоя и возведены шесть новых пилонов, способных нести каменный свод. Аналогичные перестройки были выполнены в базиликах Егварда и Ципернаванка. В базилике Текора старые пилоны, рассчитанные на сводчатое перекрытие, были заменены мощными пилонами, способными выдержать тяжесть купола.

2. В Двинской базилике к старому корпусу по обеим сторонам апсиды добавлены комнаты и галереи с севера, юга и запада. Впоследствии, в начале VII века, использовав старые фундаменты базилики, возвел новое купольное сооружение, добавив боковые апсиды, воспринимающие распоры купола.

Есть все основания предполагать, что характер работ по перестройке Эчмиадзинского храма не выходил за пределы отмеченных. С другой стороны, важно и то, что, по-видимому, именно в результате этих перестроек храм получил восточные удлиненные комнаты; аналогичные комнаты, закрывающие торцы галерей, характерны для ряда базилик V века (Ереруйк, Текор).

Исходным, конечно, явились базы древних опор и соответствующие им стены и апсида. Все эти элементы имелись в старой базилике, когда началась ее перестройка. На эту наиболее простую композицию и наслонились добавления—боковые комнаты и галереи, точно так, как это было сделано в Двине.

Попробуем наложить на этот гипотетический план композицию храма, возникшего в конце V века, причем отбросим все, что связано с куполом, прежде всего, боковые апсиды, и сохраним в точности троючастную восточную часть. Становится ясно, что зодчие Ваана Мамиконяна во многом использовали фундамент старого здания и, упразднив галереи, на том же месте, вровень с выступами боковых комнат, возвели новые стены. Такая базилика, со всеми характерными для V века формами, полностью вписывается в план храма конца V века, возведенного уже Вааном Мамиконяном (рис. 1).

Именно так могли возникнуть те широкие боковые нефы, которые значительно отличают данное сооружение V века и от базилик,

²¹ История Армении Фавстоса Бузанда. Ереван, 1953, с. 45.

и от крестовокупольных храмов. Нефы были расширены на севере и юге, были добавлены боковые апсиды. На западной стороне был сохранен контур капитальной стены, и к новой стене была пристроена западная выступающая апсида (рис. 2).

Все это приводит нас к выводу, что именно во время правления Саака Партева древняя базилика получила новые пилоны и соответствующее им каменное сводчатое перекрытие. Однако есть определенные основания для предположения, что Сааком Партевом было сделано гораздо больше: именно в это время базилика приобрела формы, характерные для наиболее развитых базилик страны. Исследования композиции храма Ваана Мамиконяна, возведенного в конце V века, убеждает, что и апсиды, и боковые удлиненные комнаты, и вся композиция с такими необычно широкими нефами не являются результатом перестройки, а возведены сразу, в один строительный период.

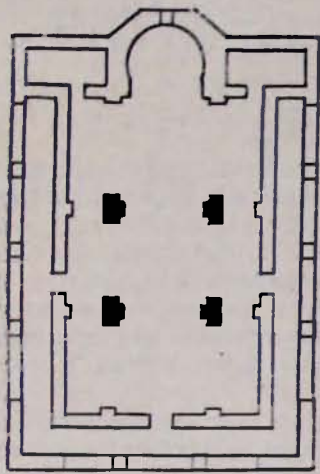

Рис. 1

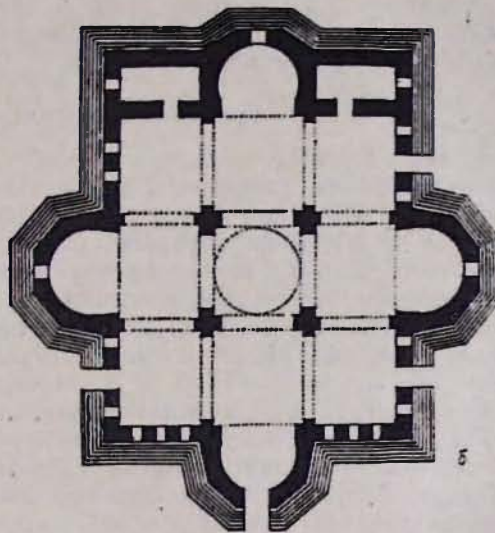

Рис. 2

Вместе с этим нельзя не видеть, каким исключением является композиция храма V века среди всех купольных сооружений эпохи, где вообще неизвестны резко удлиненные с севера на юг приделы и нигде не применяются нефы такой ширины. Что касается композиции восточной части храма (с выступающей апсидой и комнатами), то она характерна именно для базилик V века (Двин, Ереуик, Текор) и не встречается в более позднее время (Аштарак). С другой стороны, восточная часть Эчмиадзинского храма, с выступающей апсидой и прямоугольным пространством для народа прямо перекликается с композицией Двинской базилики (ее древней части), которая впоследствии получила и удлиненные комнаты, и галереи с трех сторон.

Именно таким образом становится возможным проследить под поздней композицией строение более древнее и, как оказывается, характерное для первой половины V века. Все это означает лишь одно — реконструкция, проведенная Сааком Партевом, привела к созданию характерной для его времени структуры, хотя полностью сохранились и центральный крест, и покрывающий его балдахин.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что основанная в самом начале IV века Григорием Просветителем церковь была сильно разрушена во время военных действий 364 года н. по-видимому, частично восстановлена католикосом Нерсесом в конце IV века. Однако, вероятно, повреждения были так значительны, что потребовалась основательная реконструкция сооружения Сааком Партевом уже в начале V века. Сохранив центральный крест и ротонду, зодчие Саака Партева создали новое сооружение по типу и нормам базиличных композиций V века, оставив лишь количество пилонов—четыре. Это была обычная, традиционная композиция, однако в центре ее возвышалась одна из главнейших святынь армянской церкви—крест Григория.

Памятник просуществовал почти целый век, и нам ничего не известно о его судьбе. Можно лишь сказать, что военные действия против Ирана в середине V века, видимо, не обошли его, и вражеские удары, несомненно, были направлены и против главной церкви страны. Когда же установился мир, и Иран вынужден был признать правителем Армении Ваана Мамиконяна, главный храм страны вновь стал объектом всеобщего внимания.

Третий Эчмиадзинский храм

В 484 году был заключен мирный договор, и страна встала на путь дальнейшего развития. Как отмечает очевидец событий, историк Лазар Парпеци, Ваан Мамиконян особое внимание уделил Эчмиадзинскому храму, и не случайно. Со дня своего основания, независимо от того, был ли храм кафедральной церковью католикосата Армении или же католикосы находились в других местах, этот памятник вплоть до XX века являлся одной из величайших святынь армянской церкви, тесно связываясь с распространением христианства в Армении.

Современник Ваана Мамиконяна, историк Лазар Парпеци пишет, что Ваан прибыл с верными нахарарами в Вагаршапат и исполнил обычные моления в святой кафедральной церкви, а затем «...с особой роскошью с основания восстановил пришедшее в ветхость творение предков своих»²².

Все исследователи единодушно считают, что речь здесь идет об основательной перестройке храма, что полностью подтверждает историк VII в. Себеос, писавший: «...Ваан собрал в Армянской земле подати, восстановил большие церкви в Вагаршапате, в Двине, в Мзрайке и во многих местах Армянской земли, которые были разрушены персами. Он восстановил страну и благоустроил ее»²³. Нет сомнений, что и здесь речь идет именно о *строительной деятельности*, а не о перестройке церковных обрядов, как это предполагает В. Григорян, интерпретирующий таким образом слово «գործ» в тексте историка²⁴. Известно, что одно из значений этого слова означает здание, строение («շենք») ²⁵. С другой стороны, известно, что перестройка церковных обрядов и порядков—прерогатива не полководца, а лишь католикоса. Более того, католикосат уже с 471 г. находился в Двине, и

²² «Հիմնարկնալ նորոգեաց սեծապալծառ շրջութեամբ զՆազնեալ գործ նախնեացն իրող» (Ղ ա զ ա ր Փ ա ր Վ Ե Դ ի. Հայոց պատմություն. Երևան, 1982, էջ 360)։

²³ История епископа Себеоса. Ереван, 1939, с. 28.

²⁴ Վ. Գրիգորյան. Նյմ. աշխ., էջ 82։

²⁵ Նոր Բառագիրք Հայկական լեզուի. Տ. Ա., Երևան, 1979, էջ 574։

вопросы церковной службы могли решаться именно там, в столице, а не в Вагаршапате.

Хотя Эчмиадзинский храм, судя по Себеосу, и получил сильные повреждения, тем не менее не исключено, что здесь были и другие причины для его основательной перестройки. Дело в том, что христианская церковь к концу V века освятила купол как символ священного небосвода.

Армянская церковь, разумеется, не могла оставаться в стороне от этого всеохватывающего движения—вспомним, какие тесные связи были в V веке с западным миром. С другой стороны, купол был исключительной архитектурной формой на Востоке, и в Армении в частности. Следует особо отметить, что материал, из которого возводили купола, не играл никакой роли—главной была символика архитектурного решения. Именно в V—VI веках деревянные купола получили особое распространение в Сирии.

Хотя деревянный купол не мог быть очень тяжелым для устоев, тем не менее, его кубовидный защитный барабан несомненно должен был вызывать значительные распоры. Аналогичные барабаны—характерная часть ранних купольных строений V века (Текор, усыпальница Галлы Плацидии в Равенне).

Нужна была принципиально новая система погашения распоров купола при сохранении уже освященных веками четырехпилонной композиции. Ваан Мамиконян от старого здания прежде всего оставил базы под четыре пилонии. Вся композиция храма—и внешние стены, и выступающие апсиды, восточная часть и основной корпус храма были возведены сразу, и здесь никогда не было ни вписанного тетраконха, ни предполагаемого выноса апсид. Зодчие Ваана Мамиконяна, как мы заметили выше, частично использовали древние фундаменты и возвели принципиально новую композицию—четырепилонный центричный крестовокупольный храм.

Настоятелем нового храма был назначен Лазар Парпеци. Однако он ничего не говорит о сооружении, и лишь косвенные сведения в его «Послании» правителю позволяют внести некоторую ясность в наше представление о строении храма. История этого «Послания», приведенного в его труде, такова. Когда Лазар Парпеци, оклеветанный завистниками и фанатиками, оставил Вагаршапат и уехал в Амиду, он направил специальное послание своему покровителю Ваану Мамиконяну, где рассказал о всех своих злоключениях. Ваан Мамиконян вины своему другу и вернул его в Вагаршапат. Именно в этом послании он говорит, как дорого он ценил свое настоятельство в нововозведенном храме и не считал бы себя достойным быть настоятелем в двухсотлетней давности строения.

Нет сомнения, что разговор здесь идет именно о новом храме, возведенном в конце V века, а не о тех сооружениях, которые были возведены двести лет назад. Именно с церквями этого периода и сравнивает Парпеци храм, в котором он был настоятелем в конце V века и который резко отличался от сооружений двухсотлетней давности, возведенных в период распространения христианства²⁶.

²⁶ «Զի ամենայն կահի կազմածով եթէ սակաւ մի երկէի նուազեալ քան զայնոսիկ որք յերկնորի ամէ շինեալ վանորայքն՝ Համարէի զանձս արժանի կայոյ» (Ղազար Փարպէկեցի, էջ 470)։ На новоармянский язык перевод таков: «...որովհետեւ կա՛ն-կարաօրով ուսարբով թէ որ սակաւ երկայի նրանցից, որոնք նրկու հարուր ասի առաջ շինված վանքերում են տերութիւն անում, անձս ապրելու արժանի չէի համարի» (նույն տեղում, էջ 471)։

Это небольшое замечание историка, очевидно событий, рассмотренное в контексте с остальными сведениями о храме, позволяет отбросить все сомнения о коренной перестройке древней базилики в купольную церковь именно в конце V века. К сожалению, Лазар Парпеци почти ничего не сообщает об этом новом сооружении. Мы говорим «почти», так как есть у него косвенное свидетельство, проливающее свет на наличие здесь деревянного купола—важнейшего архитектурного компонента нового сооружения.

Мы имеем в виду сообщение в предисловии к «Посланию», где описываются деяния фанатиков, которые, желая отомстить настоятелю храма, не остановились даже перед поджогом деревянного купола здания²⁷.

Эчмиадзинский храм всегда был предметом особых забот. Не случайно католикос Комитас в годы возведения храма Рипсимэ принял перестройку этого сооружения, заменив деревянный купол каменным. Себеос пишет: «Католикос Комитас также снял деревянную кровлю святого собора в Вагаршапате, восстановил ветхие части стен, построил каменную кровлю»²⁸.

Справедливо возникает вопрос: какие же работы были выполнены в Эчмиадзинском храме зодчими католикоса Комитаса? Термин «*փայտաշար*»—«деревянное перекрытие», примененный Себеосом, мог означать и купол, и все перекрытие огромного здания. Однако в последнем случае это были бы работы значительного масштаба, и Себеос не мог бы сообщить о них так вскользь, как это есть в действительности в его труде. Остается предположить, что разговор идет лишь о замене деревянного купола каменным, и ни о чем более. Что это было действительно так, сообщает историк X века Иоаннес Трапезунакертци: католикос Комитас «снес деревянный купол кафедрального собора в городе Вагаршапате и возвел замечательный и прекрасный из отесанных камней»²⁹.

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что уже в V веке в Эчмиадзине была создана целостная система центричного крестовокупольного храма. Здесь рукава замыкались конхами апсид, прямоугольные участки были перекрыты, как и своды базилик, двускатной кровлей, а апсиды—зонтичными перекрытиями. Угловые участки, почти квадратные в плане, перекрывались, несомненно, крестовыми сводами и имели скатные кровли. Что касается угловых, вытянутых с севера на юг, комнат, то здесь несомненно повторялось разработанное в базиликах решение—двускатная кровля тянулась с севера на юг и скаты опускались на восток и запад. Но наиболее важным, принципиальным нововведением было перекрытие боковых нефов, ширина которых была почти равна ширине главного нефа, над которым возвышался купол. В обычных базиликах они перекрывались сводами, идущими с запада на восток, параллельно главному нефу базилики. Эта традиция была полностью сохранена и в купольных базиликах Византии. В них сравнительно низкие боковые нефы

²⁷ «Պատահեաց նաև կրել արամութիւն ի վարապար մարդկանց զի ի հրոյ վնասեալ փայտակերտն եկեղեցոյն» (նույն տեղում, էջ 446); «նոալ, որ սա վիշտ կրեց ստոր մարդկանցից, որովհետեւ կրակից վնասվեց եկեղեցու փայտակերտ մասը» (նույն տեղում, էջ 442).

²⁸ История епископа Себеса, с. 76.

²⁹ «Բազմակալ սորա զփայտաշարն զմրեթ սրբոյ կաթողիկէին, որ ի հառարշադատ քաղաքի ե շինէ զնա զեղեղկարմար ե շրնադաանս կոփածոյ քարամբր» (Հովհաննէս Գրատաշան տեղում, Պատմութիւն Հայոց. Բիշիւս, 1912, էջ 75).

фактически перерезались мощными контрфорсами, поднимавшимися под основание купола и поглощавшими горизонтальные распоры последнего. Шековая стена между двумя пилонами, свободная от нагрузок, выполняла роль ограждения и была прорезана множеством окон. Принципиально иным был подход армянских зодчих. Взамен мощных контрфорсов, вносящих диссонанс в наружные формы храмов, армянские зодчие, верные традициям крестовокупольной системы, надежно погасили распор в направлении «север—юг» таким же сводом, какой перекрывал главный неф сооружения в направлении «запад—восток». Именно эта система была применена при реконструкции четырехпилонной базилики Текора в купольный храм, хотя здесь не было выступающих апсид, так четко подчеркивающих символику креста, возвышающегося внутри Эчмиадзинского храма. Апсиды в последнем имели важное конструктивное значение; их появление было обусловлено значительными распорами арок—внешние стены просто не выдержали бы этого распора. Иначе было в Текоре, где полностью была сохранена структура традиционной трехнефной базилики с ее сравнительно неширокими боковыми нефами.

Дальнейший опыт показал, что стены аналогичных с Текором сооружений, при сравнительно небольшом диаметре купола, легко воспринимали распор подкупольных арок и здания стояли веками (Одзун, Мрен, Гаянэ).

Можно отметить лишь одно сооружение—храм в Багаране, который в значительной степени повторяет общую структуру Эчмиадзинского храма, хотя здесь резко изменена вся пропорциональная система. Багаран (624—631)—целиком каменное строение с каменным куполом. Сильно приподнятое средокрестие резко очерчивает трехъярусность сооружения, причем средокрестие образует второй ярус и тем самым является прототипом аналогичных элементов таких сооружений, как Звартноц. Здесь ясно ощущается влияние композиции Эчмиадзинского храма. Все строение—классический пример центричной крестовокупольной системы.

Однако значение разработанной впервые в Эчмиадзинском храме композиции этим не ограничивается. Исследования показывают существенную роль армянских крестовокупольных четырехпилонных продольных систем в деле формирования византийских крестовокупольных строений³⁰. Аналогичное положение в средние века сложилось и в отношении центричных четырехпилонных крестовокупольных систем, и исследователи давно обратили внимание на зависимость этих византийских сооружений (Сан Сатиро, Жермен де Пре) от композиции, представленной веками раньше в Багаране³¹. Такое выделение Багарана, сооружения VII века, не было случайным. Ведь композиция Эчмиадзинского храма V века выяснилась лишь всего три десятилетия тому назад в результате раскопок 1950-х годов.

С точки зрения типологии, Эчмиадзинский храм, в сущности, был отодвинут на второй план; на первый план был выдвинут именно Багаран, известный лишь специалистам и не сыгравший в исторической жизни страны существенной роли.

³⁰ С. Х. Мнацаканян. К вопросу о генезисе крестовокупольных храмов Армении и Византии—Историко-филологический журнал, 1978, № 1, с. 225.

³¹ Georges Dimitrakakis. Contribution À l'étude des monuments byzantins et Médiévaux D'Italie. Athènes, 1971, p. 58; Ա. Ջառյան. Եզրագայում բազիլիկայի կառուցման հարցի շուրջը.—«Հայկական համալսարանի հանդես», ԲԼրոթ, 1972.

Теперь, когда накапливаются факты, показывающие тесные связи византийских продольных крестовокупольных решений X—XIII веков с классическими системами армянского зодчества V—VII веков (Текор—Одзун—Гаянэ), не остается сомнения, что аналогичная картина существовала и в отношении центричных крестовокупольных систем, с той лишь разницей, что исходным здесь являлся именно Эчмиадзинский храм—сооружение, тесно связанное с именем Григория Просветителя, почитание которого было распространено в целом ряде стран.

ԷՋՄԻԱՇՆԻ ՏԱՃԱՐԻ ԿԱԶՄԱՎՈՐՄԱՆ ՀԱՐՑԵՐԸ ԽԱՎԱԶԵՎ ԳՄԲԵԹԱՎՈՐ ՀԱՄԱԿԱՐԳԵՐԻ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ԿՈՆՏԵՔՍՏՈՒՄ

Ճարտարապետության դոկտոր Ս. Խ. ՄԱՆԱԿԱՆՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Էջմիածնի տաճարը իրավամբ համարվում է հայկական (և ոչ միայն հայկական) վաղ միջնադարյան ամենանշանավոր հուշարձաններից մեկը: 1970-ական թթ. պեղումների ժամանակ շուրջ մույթերի տակ հայտնաբերված դույզ խարխուլները արժատապես փոխեցին տաճարի կազմավորման մասին եղած պատկերացումները: Այնքան ուժեղ էր ավանդական պատմագրության ազդեցությունը, որ այդ խարխուլների առաջին, հնագույն շերտը վերադրվեց Գրիգոր Լուսավորչի կառուցած եկեղեցուն, թեև իրական փաստերը (և՛ խարխուլների չափերը, և՛ հատկապես նրանց փոխադարձ դասավորությունը) պայմանավորեցին տաճարի վերակազմության նախագծի ձևերը՝ հարևան և նման Քասաղի բազիլիկային (և՛ Սահինյան): Սակայն Քասաղի բազիլիկան բնավ էլ հայկական տաճարաշինության առաջին փորձը չէ. և կազմավորվել է IV—V դդ. սահմանագծում ձևավորված օրինաչափությունների հիման վրա: Մինչդեռ V դարի սկզբին, երբ հիմնադրվում էր Վաղարշապատի առաջին եկեղեցին, խոսք անգամ չէր կարող լինել քրիստոնեական ճարտարապետության մեջ մշակված կանոնիկ ձևերի մասին. նման բան չկար ո՛չ քրիստոնեության հայրենիքում՝ Պաղեստինում և ո՛չ էլ Ասորիքում ու Հռոմում: Քրիստոնեությունը հալածանքի տակ էր, և ժամասությունը կատարվում էր լեակելի տներում (Դուրա-նվրոպոս): Մինչդեռ Էջմիածնի տաճարում հայտնաբերված խարխուլները պատկանել են զգալի չափեր ունեցող թաղամածկ բազիլիկայի. այդ են հաստատում և՛ նրանց չափերը, և՛ տեղաբաշխումը: Տարակույս չի մնում, որ այն կառուցվել է 364 թ. պատերազմի ժամանակ կործանված եկեղեցու փոխարեն, և դատելով մատենագրական տեղեկություններից, շինարարության նախաձեռնողն է եղել Սահակ Պարթևը: V դարի վերջին Վահան Մամիկոնյանը բանդում է այս եկեղեցին ևս, և նույն տեղում, պահպանելով հնավանդ մույթերի խարխուլները, կառուցում բառամույթ, կենտրոնազմբթ իսաշաձև տաճար: Կառույցի մի շարք ուրույն ձևերը (զմբթավոր շենքերին ոչ բնորոշ երկարավուն սենյակներ, կողային նավերի անհամեմատ մեծ լայնություն) հնարավորություն են տալիս ենթադրելու, որ շինարարները օգտագործել են հին բազիլիկայի որոշ հիմնապատեր (հատկապես արևելյան կողմում) և պատերը դրել նույն այդ բազիլիկայի արտաքին սյունուսրահների հիմքերի վրա, զգալիորեն լայնացնելով տաճարի ներքին տարածությունները: